

Глава II

Г. В. ПЛЕХАНОВ КАК ИСТОРИК РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX В.

Книг по истории русской философской и общественно-политической мысли в досоветское время написано довольно много, но почти все они были написаны людьми, далекими от науки, писателями идеалистического толка, которые задачу философии видели в том, чтобы развить понятие о боге, «а в сем понятии, понятие о всех вещах». Все, что выходило за рамки такого толкования философии либо совсем опускалось как нефилософское, либо извращалось до неузнаваемости. И вполне понятно, что в таких работах нельзя найти надлежащего освещения истории материалистической философии в России. Даже как подготовительный материал эти работы не могут быть использованы потому, что они ложны в своей основе.

Официальные дворянско-буржуазные ученые сознательно извращали, фальсифицировали историю русской революционно-демократической мысли, игнорировали роль русского народа в создании своей национальной культуры, в развитии мировой цивилизации. Крупнейшие представители передовой общественной мысли России — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и другие — изображались типичными идеалистами, эпигонами, робкими учениками западноевропейских мыслителей. Так, А. Л. Волынский, характеризуя деятельность Белинского, с откровенным цинизмом писал: «По существу своей натуры, по природному таланту Белинский не был мысли-

телем, философом, призванным вырабатывать какие-либо новые идеи, раскрывать новые духовные горизонты... Он не оставил в наследство последующим поколениям никакого определенного метода... никаких положений для исторического объяснения фактов»¹. «Выход Белинского на критическую арену не был ознаменован никакими блестящими идеями, добытыми собственным оригинальным умом»².

В этом же духе излагали историю русской революционно-демократической мысли В. Соловьев, М. Гершензон, Э. Радлов, Г. Шпет и другие историки идеалистического направления.

Особенно наглядно извращение философского наследства русской революционной демократии проявилось в сочинениях «веховцев», выступивших в 1908—1910 гг. Выражая идеологию контрреволюционного либерализма, они (Гершензон, Бердяев, Булгаков, Струве и К^о) подняли яростную кампанию против философии марксизма и против революционного демократизма. Наиболее типичным в этом отношении явился сборник «Вехи», вышедший в 1909 г. Авторы этого сборника пытались доказать, будто бы история русской философии, представленная Белинским, Герценом, Чернышевским и другими, явилась простым повторением идей западноевропейских мыслителей, что она была порождена не ходом революционно-освободительной борьбы русского народа против царского самодержавия, а механически заимствована извне. М. Гершензон в статье «Творческое самосознание», напечатанной в сборнике «Вехи», цинично и откровенно заявил: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегельянство, позитивизм, — что ни этап, то иностранное имя. Наше сознание в массе не вырабатывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; мы просто хватали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носились с этим даром до нового,

¹ А. Л. Волынский. Русские критики. СПб., 1896, стр. 6, 7.

² Там же, стр. 79.

лучшего подарка... История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар».

Руководствуясь этими порочными космополитическими установками, веховцы пытались изобразить русских революционных мыслителей-материалистов типичными идеалистами, старались доказать, что они были не революционными мыслителями, а лишь религиозно-мистическими философами. Апология самодержавного строя и мистико-религиозной идеологии господствующих классов царской России, ожесточенная борьба с революционно-демократическими, материалистическими идеями в стране — такова истинная подоплека всех этих историко-философских писаний.

Определенное влияние на подобную оценку философского наследия русских мыслителей оказали теории, завезенные в Россию еще в XVIII в. некоторыми иностранцами, пользовавшимися покровительством реакционных правящих кругов крепостнической России и насаждавшими враждебные русскому народу идеи о незначительной роли русских ученых в развитии мировой научной мысли, утверждавшими, что русский народ неспособен самостоятельно создать свою государственность и культуру, науку и философию, что всем этим он будто бы обязан исключительно Западу. Господствующие классы царской России, преклонявшиеся перед всем иностранным, на протяжении многих десятилетий усиленно поддерживали и распространяли подобного рода «теории». Будучи яростными противниками прогрессивных, революционных устремлений русского народа, они не верили и не хотели верить в его способность к самостоятельному национальному историческому творчеству, клеветнически изображали его неспособным к научному творчеству. В целях подавления прогрессивных стремлений своего народа господствующие классы царской России всячески третировали прогрессивно мыслящих представителей науки и культуры, выходцев из дворянских, разночинских и буржуазных кругов.

И вполне понятно все прогрессивное значение выступления Г. В. Плеханова с марксистских позиций в защиту материалистического и революционно-демократического наследия великих русских мыслителей XIX в. Его работы по истории русской общественной мысли XIX в. явились

серьезной попыткой создать научную историю русской философии.

Впервые в русской истории, в анализе истории русской общественной мысли Плеханов применил принцип исторического материализма. В предисловии к «Истории русской общественной мысли» он подчеркивал, что в своем исследовании он исходит из того основного положения исторического материализма, что бытие определяет сознание. «Поэтому, я прежде всего обратился к обзору объективных условий места и времени, определявших собою ход развития русской общественной жизни»⁴.

Характеризуя объективные условия общественного развития, Плеханов выдвигал на первый план развитие классов, составляющих данное общество и их взаимные отношения. «Стало быть, ходом развития и взаимными отношениями классов, составлявших русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразие русского исторического процесса»⁵

Исходя из этого коренного положения исторического материализма, Плеханов рассматривал деятельность В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и их соратников и последователей, как деятельность идеологов самого передового для того времени русского общественного слоя — разночинцев. Для Плеханова деятельность русских революционных демократов была выражением протеста передовых сил русского общества против гнета царизма и крепостничества, против того общественно-политического строя, который тормозил развитие общественных отношений в стране и «загораживал русской народной массе дорогу к знанию»⁶.

Стоя на позициях исторического материализма, Плеханов считал, что развитие общественной мысли, развитие идеологии есть необходимый, закономерный процесс, обуславливаемый, в конечном счете, экономическим развитием общества. Вместе с тем, он полностью учитывал марксистское положение об относительной самостоятельности развития идеологии. Со всей тщательностью просле-

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXI, стр. 138.

живал он историческое и логическое развитие политических и философских идей.

При этом Плеханов не замыкался в национальные рамки, а рассматривал философские и общественно-политические взгляды русских мыслителей в связи с развитием всей мировой философской и общественно-политической мысли, старался выяснить то особенное, свое, что внесли в развитие философии русские мыслители. Философские, социологические и эстетические взгляды русских мыслителей он рассматривал в связи со взглядами их предшественников и современников — западноевропейских мыслителей: французских материалистов XVIII в., социалистов-утопистов, Гегеля, Фейербаха и др. Особенно внимательно в его работах рассматривается вопрос о том, как относятся взгляды русских революционных мыслителей к марксизму. Правильное решение именно этого вопроса отметил В. И. Ленин как большую заслугу Плеханова.

В этой связи нельзя не указать на ошибку, допущенную А. А. Галактионовым в статье, посвященной критике методологии Г. В. Плеханова в его исследованиях по истории русской материалистической философии XIX в.⁷

Анализируя методологию Плеханова как историка русской философии, А. А. Галактионов упустил из виду как раз самое главное в методе Плеханова — его требование рассматривать вклад в науку каждого мыслителя в сравнении с тем, что дали его предшественники, чем данный мыслитель обогатил науку, в каком направлении пошел он вперед сравнительно с другими исследователями. Во всех трудах по истории общественной мысли Плеханов последовательно проводил этот принцип. Например, анализируя исторические взгляды Чернышевского, он сравнивал его труды с трудами французских историков времен реставрации, материалистические идеи с идеями Белинского, Фейербаха, диалектику Чернышевского с диалектикой Гегеля, мировоззрение в целом с марксизмом. В применении этого метода к конкретному анализу взглядов русских мыслителей Плеханов допускал ошибки. Однако из этого совсем не следует, что сам этот метод

⁷ См. «Учёные записки Ленинградского университета», вып. 5. Л., 1955, № 168, стр. 126—155.

ошибочен. Напротив, в основе своей этот метод совершенно верен.

С самого начала своей деятельности как писателя-марксиста Плеханов обратился к наследию русских революционеров-демократов. В работах 1883—1885 гг. («А. П. Шапов», «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия») Плеханов отстаивал, охранял великое наследие Чернышевского и Герцена от народнической фальсификации. В 1890—1892 гг. Плеханов опубликовал в сборнике «Социал-демократ» четыре статьи о Чернышевском, изданные позднее отдельной книжкой на немецком языке (в издательстве Дитца). Эти статьи высоко оценил Ленин, указав, что в них Плеханов вполне научно выяснил отношение Чернышевского к марксизму. Позднее Плеханов неоднократно обращался к наследию Чернышевского, написал ряд статей, рассматривающих все стороны его мировоззрения. Несколько общих статей о Чернышевском он опубликовал в связи с юбилейными датами великого русского социалиста домарксистского периода — «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», в сборнике «За 20 лет», «Н. Г. Чернышевский», «Еще о Чернышевском», «Чернышевский в Сибири».

В 90-х годах Плеханов выступил с тремя статьями о В. Г. Белинском, в которых проанализировал философские и литературные взгляды гениального мыслителя. Несколько статей он посвятил изложению взглядов А. И. Герцена.

В 1909 г. Плеханов принял предложение издательства «Мир» написать «Историю русской общественной мысли». В июле 1912 г. издательство получило от Плеханова «Введение», в июне 1914 г. был опубликован первый том, в последующие годы вышли еще два тома, последние главы третьего тома вышли посмертно. Плеханову не удалось завершить начатой работы. Третий том заканчивается рассмотрением мировоззрения А. Н. Радищева, в следующих трех томах предполагалось рассмотреть общественные движения и развитие общественной мысли в XIX в. и в самом начале XX в., включая революцию 1905 г.

Хотя работа Плеханова осталась незаконченной, но главные этапы развития общественной мысли в России нашли оценку в целом ряде его работ, посвященных дека-

бристам, Чаадаеву, революционным демократам, народо-вольцам, первым шагам рабочего движения в России, революции 1905 г. В этих работах, занимающих в общей сложности около семи томов, содержится взгляд Плеханова на историю общественной мысли и на общественные движения в России с самого зарождения русской литературы вплоть до 1917 г.

Анализируя теоретическую деятельность Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, Плеханов подчеркивал, что все они были революционными мыслителями, относились к существовавшему тогда общественному и государственному строю резко отрицательно, ненавидели крепостное право, считали его величайшим злом и делали все зависящее от них, чтобы устранить крепостничество и его опору — царское самодержавие. Однако, как указывал Плеханов, вопрос о путях преобразования России они решали различно. В то время как Белинский считал, что Россия совершит прогресс, став на путь буржуазного развития, Герцен видел основание прогресса России в развитии общины. Самым радикальным мыслителем был, по мнению Плеханова, Чернышевский, которого он называл революционером по принципу.

Однако Плеханов допускал некоторые ошибки в характеристике революционных устремлений русских мыслителей. Так, он приписывал Чернышевскому свои собственные взгляды на крестьянство, как класс, не способный на радикальные действия. Герцена он рассматривал как принципиального противника классовой борьбы, боявшегося ее. Поэтому в обоих Плеханов пытался видеть не сторонников идеологии крестьянства, а идеологов разночинной интеллигенции, на которую они возлагали основные надежды, к ней обращались, ее воспитывали, просвещали. Их социалистические идеалы были утопическими, так как в своих планах и стремлениях они исходили не из того, что есть, а из того, что должно быть; анализ исторической, в том числе и экономической, действительности они подменяли «собственными планами», более или менее утопическими.

Исторические взгляды русских революционеров-демократов Плеханов рассматривал в сопоставлении со взглядами французских историков времен реставрации (Гизо, Минье, Тьерри). При этом он указывал, что русские

мыслители во многом уступали французским историкам. Французские историки смотрели на борьбу классов, на значение политики в этой борьбе и на зависимость государственной власти от господствующих классов так же, как на эти вопросы смотрели Маркс и Энгельс. Русские же революционеры-демократы в области истории оставались в основном идеалистами, их исторические взгляды не были достаточно стройными и последовательными.

Философские взгляды Белинского, Герцена и Чернышевского Плеханов оценивал различно. Белинский, по его мнению, прошел школу Шеллинга, Фихте, Гегеля и к концу жизни перешел на позиции Фейербаха. Самой сильной стороной философии Белинского он считал диалектику. Как диалектика Плеханов Белинского ставил выше всех революционеров-демократов, в том числе и Чернышевского. Белинский, по его мнению, глубже всех других русских мыслителей понял философию Гегеля, его идею развития через борьбу противоположностей, противоречий, заключенных в самом предмете, явлении.

В философии Герцена Плеханов выше всего ставил его взгляды на закономерности развития природы, его философию природы. В разработке философских проблем естествознания Герцен, по определению Плеханова, в «Письмах об изучении природы» стоит на уровне Ф. Энгельса. Однако, по мнению Плеханова, Герцен все-таки оставался в основном на позициях гегелевского идеализма.

Наиболее последовательным материалистом, сторонником Фейербаха Плеханов признавал Чернышевского. Оценивая его философские взгляды в общем, он писал: «Чернышевский прошел ту же школу, что Маркс и Энгельс: от Гегеля он перешел к Фейербаху. Но Маркс и Энгельс подвергли философию Фейербаха коренной переработке, а Чернышевский на всю жизнь остался последователем этой философии в том ее виде, какой она имела у самого Фейербаха»⁸.

Философские взгляды Добролюбова Плеханов считал в основном тождественными взглядам Чернышевского и поэтому не рассматривал их отдельно.

⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 260.

В своих исследованиях Плеханов уделял большое внимание литературным и эстетическим взглядам революционных демократов. Их главную заслугу перед русской литературой он видел в сближении литературы с жизнью, с потребностями передовых, прогрессивных сил общества.

* * *

Рассмотрим несколько подробнее изложение и оценку Плехановым философских взглядов Белинского, Герцена и Чернышевского, которым он уделил наибольшее внимание из всех русских мыслителей.

Разбору взглядов В. Г. Белинского Плеханов посвятил целый ряд работ: «Литературные взгляды Белинского», «Белинский и разумная действительность», «Виссарион Григорьевич Белинский» и др. Во всех статьях о Белинском он проводит одну совершенно правильную и чрезвычайно важную мысль — Белинский в своих философских и социологических взглядах развивался в том же самом направлении, в каком развивались Маркс и Энгельс.

Высоко оценивая теоретическую деятельность Белинского, его поиски путей и закономерностей экономического и политического развития России, Плеханов писал: «По нашему, Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли. Он ставит себе, а следовательно, и другим, ту великую задачу, не решив которой мы никогда не знали бы, каким путем идет цивилизованное человечество к своему счастью и к победе разума над слепой, стихийной силой необходимости... И вот почему давно уже следовало просмотреть историю его умственного развития и его литературной деятельности с точки зрения *конкретных* взглядов наших дней. Чем внимательнее изучаем мы эту историю, тем глубже проникаемся убеждением, что Белинский был самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе»⁹.

Изучая творческий путь Белинского, его жадные поиски научной революционной теории, Плеханов внимательно

прослеживал отношение Белинского к передовым, для своего времени, мыслителям Европы, сопоставлял его идеи и теории с потребностями времени, с теми задачами, какие ставила перед прогрессивными мыслителями России сама жизнь, общественные отношения, борьба классов.

Заслугой Белинского следует считать, говорил Плеханов, его увлечение гегелевской философией, так как влияние диалектики немецкого мыслителя, усвоенной Белинским глубже других, значительно повышало его требовательность, интерес к теоретическим проблемам. В диалектике Гегеля Белинский понял главное — идею отрицания, идею развития через борьбу противоположностей, заключенных в самом явлении, в самой действительности. И здесь, говорил Плеханов, Белинский сделал серьезную поправку к Гегелю, который проблему отрицания рассматривал в абстракции от действительности. «Но идеал, правомерный с новой точки зрения Белинского, не мог быть «абстрактным идеалом». Так как историческое отрицание действительности является результатом *ее собственного развития, то правомерным может быть признан только такой идеал, который опирается на это развитие. Такой идеал не будет «оторван от географических и исторических условий развития», о нем нельзя сказать, что он «построен на воздухе». Он только выражает в мыслях и образах результаты того процесса развития, который уже совершается в действительности. И он конкретен ровно настолько, насколько конкретна эта развивающаяся действительность»¹⁰.*

Вскрыть внутренние противоречия действительности, указать тенденцию ее развития, указать силы, порождаемые самой действительностью, ведущие с неизбежностью закона к ее отрицанию, — такова, говорил Плеханов, была задача Белинского, которую он поставил перед собой в конце 30-х годов, еще в период «примирения с действительностью». И именно поиски теории, могущей удовлетворительно объяснить закономерности преобразования русского общества, привели скоро Белинского к отказу от «примирения с действительностью» и к полному разрыву с гегелевским идеализмом. Однако, порывая с Гегелем,

⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 251—252.

¹⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 242.

Белинский, говорил Плеханов, сохранил то ценное, что содержала гегелевская философия, — идею развития.

В противовес точке зрения идеологов господствующих классов Плеханов показал, что Белинский в результате своего идейного развития к концу жизни, порвав с гегелевским идеализмом, твердо стал на позиции философского материализма и пытался утвердить материализм в сознании передовых людей русского общества.

Полемизируя с Пыпиным по поводу направления философского развития Белинского, Плеханов в статье «Белинский и разумная действительность» писал: «...Мы позволим себе предположить, что со временем он сделался бы ревностным адептом того диалектического материализма, который во второй половине девятнадцатого века явился на смену отжившей свое время идеалистической философии: историческое развитие увлекшей его философской мысли направлялось как раз в эту сторону, и не даром он с удовольствием читал «Deutsch-Französische Jahrbücher», в которых писали будущие основатели диалектического материализма. Если он ничего не имел против их взглядов в 1845 году, то почему восстал бы он против них впоследствии, когда они развились и получили прочное обоснование?»¹¹.

Плеханов первый заговорил о Белинском как о крупнейшем мыслителе, обладавшем чутьем гениального социолога, стремившемся «обосновать ход своих идей на объективном ходе вещей»¹². Он отметил то положительное качество Белинского как мыслителя, что он не терпел произвольных операций с отвлеченными понятиями, что он искал критерий разумности общественных явлений в их внутренней необходимости, в их исторической обусловленности. «Разумны», а потому и «священны» такие общественные учреждения, которые, говоря словами Белинского, «диалектически развиваются в историческом движении». «Выражая эту мысль, он (Белинский.—М. С.) показал себя способным подняться на высоту самых важных и самых трудных задач социологии. С тех пор, как была высказана им эта мысль, общественная наука не сделала

решительно ни одного завоевания, которое не подтверждало бы ее правильности»¹³.

Излагая социологические взгляды Белинского, Плеханов неоднократно подчеркивал ту мысль, что для Белинского характерным было стремление связать социологию с насущными задачами общественной жизни, что Белинский считал серьезными и плодотворными только такие стремления и только такую деятельность, которые опираются на объективный ход общественного развития. Высоко оценил он известное положение Белинского, что для гражданского развития России необходимо превращение дворянства в буржуазию. В этом Плеханов усматривал зародыш материалистического понимания истории, ибо будущее развитие России ставилось Белинским в зависимость от ее экономического развития. «Белинский не дожил до той поры,— говорил он,— когда научный социализм окончательно сложился в стройную теорию. Но его гениальная мысль, уже вскоре после выступления его на литературном поприще, поставила перед ним такие теоретические задачи, правильное решение которых прямым путем вело к научному социализму»¹⁴.

В статье «Виссарион Григорьевич Белинский», написанной в 1909 г. для «Истории русской литературы XIX века», Плеханов совершенно правильно определял отношение Белинского к народу. Критикуя взгляд, согласно которому Белинский был в кружке западников представителем чуть ли не антидемократического или, по крайней мере, равнодушного к тяжелому положению народа направления, Плеханов замечает: «Мы, наоборот, очень склонны думать, что, крайний во всех своих чувствах, Белинский и глубиной симпатии к угнетенному народу превосходил остальных членов западнического кружка»¹⁵.

В этом высказывании нельзя не заметить известного влияния ленинской оценки Белинского как выразителя дум и чаяний крестьянства.

Высоко ценил Плеханов эстетические взгляды Белинского, его деятельность как литературного критика. Успех

¹¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 240.

¹² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 132.

¹³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 135.

¹⁴ Там же, стр. 145.

¹⁵ Там же, стр. 141, примечание.

деятельности Белинского в этой области Плеханов объяснял прежде всего тем, что Белинский сумел поднять литературную критику на уровень высоких теоретических, философских обобщений. Обладая чутьем гениального социолога, Белинский, по его мнению, сумел подойти к оценке литературных явлений не только и не столько с публицистической, сколько с социологической точки зрения. И поскольку Белинский умел делать надлежащие выводы из раз найденных им посылок, он в последний период своей жизни рассматривал закономерности развития искусства в связи с развитием общественной жизни, с «общим характером эпохи», «и видел последнюю инстанцию для критики уже не в развитии абсолютной идеи, а в развитии общественных классов и классовых отношений».

«В статьях Белинского, написанных в последние годы его деятельности,— говорил Плеханов,— заключается целая программа, которая до сих пор еще не выполнена нашей литературной критикой и которая только тогда будет выполнена ею, когда она сумеет целиком стать на социологическую точку зрения. Это опять свидетельствует о гениальной силе его мысли»¹⁶.

Рассматривая эволюцию литературных взглядов Белинского, Плеханов подметил тенденцию, имеющуюся и в развитии его философских взглядов,— его приближение к историческому материализму. В статьях о Пушкине, указывал Плеханов, эта тенденция нашла свое наиболее полное выражение, в них критика Белинского становится все более исторической. Эти статьи «показывают и его замечательную критическую пронизательность, и его выдающуюся способность делать крайние и вполне последовательные выводы из однажды принятых посылок»¹⁷.

Больше того, Плеханов считал статьи о Пушкине целым переворотом в литературной теории, состоявшим в том, что Белинский литературные явления поставил в прямую связь с развитием общественных отношений, с развитием и сменой господствующих классов и сословий.

Анализируя взгляды Белинского, Плеханов сравнивал его метод анализа литературных произведений с методом фламандца Альфреда Микиельса, у которого, по словам

¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 162.

¹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 300.

Плеханова, Тэн заимствовал свои взгляды на историческое развитие искусства. «Размышляя о зависимости, существующей между формами искусства, с одной стороны, и фазами общественного развития с другой, Микиельс упустил из виду то обстоятельство, что всякое цивилизованное общество состоит из сословий или классов, развитие и исторические столкновения которых проливают чрезвычайно яркий свет на историю всех идеологий.

Объясняя поэзию Пушкина общественным развитием России, исторической ролью и состоянием того сословия, к которому принадлежал поэт, Белинский, по справедливому мнению Плеханова, приближался к вполне научному, т. е. марксистскому пониманию закономерностей развития литературы в связи с развитием общественной жизни.

«Белинский, как видно, уже понимал важное значение, этого обстоятельства, хотя еще не совсем уяснял его себе. И в той мере, в какой он понимал, его взгляды приближались к взглядам новейших материалистов»¹⁸.

Плеханов справедливо считал, что Белинский как литературный критик далеко опередил своих современников и что даже наиболее передовые литературные критики 70-х годов XIX в. не смогли встать на тот уровень, которого достигла эстетическая и литературно-критическая мысль Белинского 40-х годов. Только марксистская критика, опирающаяся на коренные положения исторического материализма, сумела превзойти достижения предшествующей марксизму эстетической мысли. Однако тот вклад, какой внес Белинский в разработку эстетики, его наиболее важные и ценные положения, восприняты марксистской эстетикой.

Как бы обобщая все сказанное о Белинском, подводя итог его литературной и общественной деятельности, Плеханов писал: «...Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, но также обнаружил изумительную пронизательность в постановке,— если не в решении,— самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития... И до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым

¹⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 303.

вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской «действительности».

Высоко ценил Плеханов и деятельность А. И. Герцена как мыслителя и революционера. Герцену, говорил он, принадлежит одно из самых первых мест среди тех наших писателей, которые подготовляли общественное мнение России к реформе 1861 г. Именно Герцен принял знамя освободительной борьбы из рук Белинского, только Герцен и никто лучше его не годился для роли «свободного органа» передовых русских людей XIX в. «После всего сказанного выше,— говорит Плеханов,— едва ли нужно доказывать, что все его симпатии были именно на стороне народа»²⁰.

Плеханов отмечал скептицизм Герцена в отношении Европы. Герцен называл мещанской буржуазную Европу. Однако он видел, говорил Плеханов, что спасение Европы зависит от развития рабочего движения, думал, что только торжество рабочего класса могло бы спасти Запад от овладевшего им мещанства. В оценке развития событий в Западной Европе Плеханов считал Герцена значительно выше своих современников. «Мы видим,— писал он,— что, рассуждая о возможной судьбе Запада, Герцен становится на точку зрения *борьбы классов: победит рабочий класс* — Западная Европа воскреснет к новой жизни; *не победит* — она окончательно разложится. Эта попытка определить дальнейший ход внутреннего развития данного общества, становясь на точку зрения происходящей в ней борьбы классов, сближает здесь Герцена с последователями современного научного социализма»²¹.

Касаясь собственно философских взглядов Герцена, Плеханов отмечал также целый ряд достоинств Герцена как мыслителя по сравнению со многими современными ему философами. «В «Письмах об изучении природы»,— говорил Плеханов,— есть поистине блестящие страницы, излагающие диалектический взгляд на мировой процесс.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 166—167.

²⁰ Там же, стр. 297.

²¹ Там же, стр. 301.

Я не имею никакой возможности воспроизводить здесь эти страницы: их слишком много; но я не могу устоять перед искушением выписать из них некоторые наиболее характерные отрывки»²².

Приведя затем некоторые, наиболее характерные выписки из работы Герцена, Плеханов признал «Письма» большой теоретической заслугой Герцена. «Под впечатлением всех этих отрывков,— писал он,— легко можно подумать, что они написаны не в начале 40-х годов, а во второй половине 70-х, и притом не Герценом, а Энгельсом. До такой степени мысли первого похожи на мысли второго. А это поразительное сходство показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса»²³.

Это утверждение Плеханова наносило прямой удар по тенденциозно-клеветническим космополитическим измышлениям дворянско-буржуазных профессоров о Герцене, которого они пытались изобразить религиозно-мистическим философом.

Особенно важным считал Плеханов в «Письмах» то, что в них Герцен, в духе Энгельса, настойчиво твердит естествоиспытателям о том, как полезно было бы для них диалектически взглянуть на природу, отойти от чисто эмпирической точки зрения, разобрать отношение знания к предмету, мышления к бытию.

Герцен и его соратники, «лучшие люди сороковых годов», были замечательны еще и тем,— писал Плеханов,— что они «умели связывать самые глубокие вопросы теории с самыми жгучими вопросами общественной жизни»²⁴. Если Герцен и другие передовые русские мыслители 40-х годов и не смогли сделаться основателями научного социализма, то это, говорит Плеханов, объясняется экономической отсталостью России и слабым знакомством русских мыслителей с экономикой Запада. Будущие историки социализма, указывал он, выяснят сильные и слабые стороны герценовского социализма. «Они отведут нашему блестящему автору одно из самых видных мест в ряду тех писателей первой половины XIX века, которые, всем сердцем сочувствуя социализму, более или менее ясно сознавали

²² Г. В. Плеханов. Соч., т. I. XVIII, стр. 375.

²³ Там же, стр. 377.

²⁴ Там же, стр. 395.

шаткость его *утопической* основы и делали,— оставшиеся безуспешными, но все-таки в высшей степени замечательные,— попытки поставить его на прочный фундамент науки»²⁵.

В 1911 г. в связи с пятидесятилетием со дня отмены крепостного права Плеханов выступил с двумя статьями о Герцене — «Герцен эмигрант» и «Герцен и крепостное право» — и прочитал несколько докладов о Герцене. Ряд выступлений он посвятил столетию со дня рождения Герцена (1912).

Статьи и лекции Плеханова о Герцене имели большой успех среди русских эмигрантов и среди передовых слоев русского общества. 29 февраля 1912 г. старшая дочь Герцена писала Плеханову о своих впечатлениях от его статей и докладов: «Заболевание глаз мешало мне читать и писать в течение нескольких недель. Вот почему я никак не могла поблагодарить Вас раньше за любезную присылку Ваших статей о Герцене. Теперь, наконец, я прочла и спешу высказать Вам то удовольствие, которое мне доставило это чтение. Что мне особенно в них понравилось, это Ваше беспристрастие, столь редкое в наши дни в России среди партийных людей. Кроме того, я с радостью нашла в них некоторые отзвуки Вашей прошлой годней лекции о моем великом отце, лекция, которая для меня была самым выдающимся моментом апрельских торжеств и которая останется моим лучшим воспоминанием о них...»²⁶.

В работах Плеханова о Герцене нельзя не заметить оценок Герцена, сходных с ленинскими. Однако не следует преувеличивать этого сходства. Ленин во многом и весьма существенном расходился с Плехановым в оценке Герцена, как и других революционных демократов.

Наибольшее внимание уделял Плеханов изучению и освещению наследия Н. Г. Чернышевского, которого он считал самым выдающимся революционным мыслителем России. В целом ряде работ, посвященных Чернышевскому, рассмотрены, проанализированы и подвергнуты критическому разбору все стороны мировоззрения великого русского мыслителя.

Высоко оценивая революционное и материалистическое

мировоззрение Чернышевского, Плеханов говорил о нем как о мыслителе, отразившем ненависть народных масс к своим угнетателям. Особенно подчеркивал он критику Чернышевским социального строя современных ему буржуазных стран.

Говоря о Чернышевском как выдающемся русском мыслителе, Плеханов противопоставлял его народникам, указывая, что: «по сравнению с народниками Чернышевский до сих пор остается самым передовым человеком». Он решительно отверг клеветнические измышления либерально-буржуазных ученых по поводу знаменитого романа Чернышевского «Что делать?» и высоко оценил это произведение. Обращаясь к врагам революционных демократов, Плеханов с гордостью писал: «...пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?»! Никто не укажет такого произведения, потому что его не было, нет и, наверное, не будет»²⁷.

В книге «Н. Г. Чернышевский» (1894) Плеханов решительно выступил против либеральных народников, замалчивавших и фальсифицировавших революционно-демократические и материалистические идеи великого русского мыслителя. В противовес народникам он высоко оценил идейное наследство Чернышевского, подчеркнув материалистический, революционно-демократический характер его мировоззрения.

Плеханов назвал Чернышевского великим материалистом нового времени, революционером по принципу.

При анализе мировоззрения Чернышевского Плеханов исходил из сравнения его философских взглядов со взглядами Фейербаха. При этом он устанавливал полное сходство взглядов русского мыслителя со взглядами Фейербаха, к которому Чернышевский, по словам Плеханова, всю жизнь относился с большим уважением, как ученик к учителю. Однако Плеханов не ограничивался простым сопоставлением взглядов Чернышевского со взглядами Фейербаха, а пытался выяснить различие в их взглядах и то свое, что внес Чернышевский в развитие философии.

²⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 407.

²⁶ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VI, стр. 26.

²⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 114—115.

Прежде всего Плеханов справедливо подчеркивал ту мысль, что «в основе философии Чернышевского лежит идея единства человеческого организма»²⁸.

Выступая против дуализма и волюнтаризма, Чернышевский, по мнению Плеханова, опирался на данные современного ему естествознания, освобожденные от примесей натурфилософии. Под его пером научные представления «до такой степени освободились от всяких метафизических примесей, до такой степени окрасились в материалистический цвет естествознания, что сам собою возникает вопрос: не был ли Чернышевский уже в то время (1860 г.— М. С.) знаком с зоологическими теориями Ламарка и Жоффруа Сент-Илера?». Больше того, говорил Плеханов, в работах Чернышевского 50-х годов высказано много таких соображений, «которые можно встретить в вышедшей значительно позже книге Дарвина «Происхождение человека»»²⁹.

Большое внимание уделял Плеханов рассмотрению взглядов Чернышевского на проблемы нравственности, подчеркивая ту мысль, что Чернышевский своей главной задачей считал философское обоснование «известных практических требований». «Вот почему и в своей статье «Антропологический принцип в философии» он не упускает из виду этих требований, не раз заговаривая о них. И вот почему также он посвящает в ней много внимания тем вопросам философской теории, которые имеют непосредственное отношение к задачам практической жизни. Таков, например, вопрос о философской основе нравственности, а прежде всего о воле»³⁰. При этом Плеханов отмечал, что взгляды Чернышевского на характер человека, как на продукт обстоятельств, выработались не только и не столько под влиянием Фейербаха, сколько под влиянием современных ему западноевропейских социалистов, особенно Оуэна.

Основное содержание этической теории Чернышевского, по мнению Плеханова, сводится к известному положению, отмеченному Марксом в «Святом семействе» в связи с оценкой им французских материалистов: «Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека».

²⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 196.

²⁹ Там же, стр. 200.

³⁰ Там же, стр. 202.

Сделав несколько выписок из работ Чернышевского, в которых последний развивал взгляд, сходный со взглядами французских материалистов XVIII в. (человек становится добрым или злым в силу известных обстоятельств), Плеханов заключал: «отсюда, разумеется совсем близко до практических выводов в направлении, отмеченном Марксом»³¹.

Рассматривая борьбу Чернышевского против идеализма, особенно его полемику с Юркевичем, Плеханов показывает могучую силу логического мышления русского материалиста, его полное и всестороннее превосходство над «жвачными» любомудрами. Вскрывая невежество Вольтинского и Юркевича, их фальсификацию взглядов Чернышевского, Плеханов писал: «Вольтинский, вслед за Юркевичем, находит, что «Чернышевский плохо обрисовал вопрос об единстве человеческой природы». Тут дело вот в чем. Юркевич приписывает Чернышевскому ту мысль, что между материальными и психическими явлениями *нет никакой разницы*, и с победоносным видом вопрошает, каким образом ощущения рождаются в результате движения нерва. Это — старый вздор, с которым давно уже пристают к материалистам, и из которого следует только то, что люди, желающие «критиковать» материализм, не знают даже его азбуки. Чернышевский нигде не говорит в своей статье, что нет никакой разницы между так называемыми физическими явлениями, с одной стороны, и явлениями психическими, с другой. Напротив, он категорически признает существование этой разницы; но он думает, что она не дает никакого права относить психические явления насчет особого нематериального фактора... Это и есть точка зрения всех выдающихся материалистов нового времени со включением, разумеется, Фейербаха и Чернышевского»³².

Рассматривая и излагая теорию познания Чернышевского, Плеханов проанализировал две наиболее важные в этом отношении его работы: «Характер человеческого знания» и предисловие к предполагавшемуся третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности».

³¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 204.

³² Там же, стр. 208, 209.

Плеханов с сочувствием и одобрением излагал критику Чернышевским идеалистических, агностических концепций познания, особенно подчеркивая понимание Чернышевским партийности философии. «Мы имеем право предположить,— заключал Плеханов,— что и нынешнее состояние философии приводилось им в связь с классовым положением людей, специально ею занимающихся. Иначе сказать, очень вероятно, что Чернышевский ставил широкое теперь распространение философского «иллюзионизма» в причинную связь с упадком того общественного класса, идеологами которого служат, в огромнейшем большинстве своем, философы нашего времени»³³.

Специальную главу своей книги Плеханов посвятил изложению диалектических идей Чернышевского, озаглавив ее «Чернышевский и диалектика». Анализируя такие работы Чернышевского, как «Лессинг и его время», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и др., он говорил, что в критическом разборе философии Гегеля Чернышевский поднимался до того, что в его работах содержатся оценки, сходные с оценками Энгельса. «Мы находим там, например, вот эти строки, очень напоминающие отзыв Энгельса о двойственном характере философии Гегеля»³⁴. Приведя затем длинную выписку из работы «Очерки гоголевского периода русской литературы», содержащую оценку гегелевской философии, указание на ее двойственный характер («принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны»), Плеханов заключает: «Тут очень много справедливого. Диалектический метод в самом деле совершенно непримирим с «общими отвлеченными изречениями», опираясь на которые люди судили,— да, к сожалению, до сих пор слишком часто судят,— об явлениях, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым они возникают. И Чернышевский, разумеется, совершенно прав, видя в этом огромное преимущество диалектического метода»³⁵.

Однако, говорит Плеханов, Чернышевский упускал из виду как раз самое главное, что характеризует диа-

лектический метод,— то, что силу, обуславливающую развитие того или иного явления, он находит в самом этом явлении, а не в симпатиях или антипатиях исследователя. Именно в этом состоит главное преимущество диалектического метода, именно поэтому диалектический метод материалистичен по своей природе. «Но для того, чтобы понять во всей ее полноте материалистическую природу диалектического метода, нужно выяснить себе, что его сила заключается в сознании того, что ход идей определяется ходом вещей и что поэтому субъективная логика мыслителя должна следовать за объективной логикой исследуемого явления». Этого как раз и не доставало Чернышевскому, его требование необходимости «обозреть предмет со всех сторон» еще далеко не равносильно сознанию того, что ход такого обозрения должен всецело определяться логикой развития самого предмета»³⁶.

Материалист Чернышевский, заключал Плеханов, сознавая важное значение диалектического метода, все-таки был далек от понимания его главного преимущества и потому не сумел подвергнуть его той переработке, какую он получил у Маркса и Энгельса. «Но скажем еще раз: в философских взглядах Чернышевского уже есть жизнеспособный зародыш материалистической диалектики»³⁷. В целом ряде своих работ Чернышевский, указывая Плеханов, выступает блестящим диалектиком.

Несомненный интерес представляют работы Плеханова по исследованию исторических взглядов Чернышевского. Плеханов не ограничился сравнением взглядов Чернышевского со взглядами его предшественников и современников, а тщательно анализировал важнейшие произведения русского мыслителя и выяснял тот вклад, какой он внес в историческую науку, в методологию истории.

Главное, что отмечал Плеханов в трудах Чернышевского, это его подход в ряде вопросов к материалистическому пониманию истории. «И мы уже видели,— пишет он,— что Чернышевский умел объяснять развитие философской мысли ходом политической борьбы, т. е. опять-таки развитием общественной среды. Мы знаем также

³³ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 236.

³⁴ Там же, стр. 227.

³⁵ Там же, стр. 229.

³⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 230.

³⁷ Там же, стр. 231.

еще из статьи «Антропологический принцип в философии», что всякое данное общество, равно как и всякая данная органическая часть общества, считает полезным и справедливым, то, что полезно этому обществу или этой его части. Чернышевскому стоило только последовательно применить этот свой взгляд к истории идейного развития человечества, чтобы ясно увидеть, каким образом это развитие обуславливается столкновением человеческих интересов в обществе, т. е. «экономикой» этого общества. И Чернышевский в самом деле ясно видел это, — по крайней мере в некоторых случаях»³⁸.

Плеханов пространно цитирует работы Чернышевского, в которых проводится тот взгляд, что не сознание определяет собою бытие, а, наоборот, бытие определяет собою сознание. При этом он, подмечая оригинальные мысли Чернышевского, с полным основанием утверждал, что в его сочинениях «рассыпано немало важных замечаний, проливающих новый свет на различные вопросы науки»³⁹.

Приведя несколько выдержек из работы Чернышевского «Очерки из политической экономии (по Миллю)», в которых выражены гениальные догадки великого русского мыслителя о роли экономики в развитии общества, Плеханов замечает: «Под этими строками охотно подписался бы любой из современных материалистов-диалектиков»⁴⁰.

Указав на то, что взгляды Чернышевского в некоторых пунктах приближаются к взглядам основоположников научного коммунизма, Плеханов делает общий вывод, оценивающий исторические взгляды Чернышевского, отмечает сильные и слабые стороны его мировоззрения. «Тут взгляды нашего автора поразительно совпадают со взглядами Маркса и Энгельса. Да оно и неудивительно. Чернышевский прошел ту же школу, что Маркс и Энгельс: от Гегеля он перешел к Фейербаху. Но Маркс и Энгельс подвергли философию Фейербаха коренной переработке, а Чернышевский на всю жизнь остался последователем этой философии в том ее виде, какой она имела у самого

³⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 257.

³⁹ Там же, стр. 39.

⁴⁰ Там же, стр. 42.

Фейербаха... Но материалистические мысли его учителя страдали отвлеченностью там, где они касались общественных отношений людей. И эта слабая сторона мыслей Фейербаха привела к тому, что исторические взгляды его русского ученика оказались недостаточно стройными и последовательными. Главный недостаток этих исторических взглядов состоит в том, что материализм чуть не на каждом шагу уступает в них место идеализму и, наоборот, причем окончательная победа все-таки достается идеализму»⁴¹.

В последний год своей жизни Плеханов написал ключительную главу третьего тома «Истории русской общественной мысли», посвященную анализу мировоззрения А. Н. Радищева. Самым замечательным в его оценке мировоззрения Радищева следует считать указание на то, что Радищев является зачинателем революционной идеологии в России, предшественником Чернышевского и Добролюбова. Находясь под влиянием освободительных идей французской философии, Радищев, по мнению Плеханова, сознательно задался целью распространить революционные идеи в передовых слоях русского общества.

Давая общую оценку мировоззрения Радищева, Плеханов писал: «Миросозерцание Радищева, хотя и не тождественно с миросозерцанием передового человека нашего времени, — по весьма понятной причине тождество является здесь, очевидно, невозможностью, — однако связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий.

Если мы, вслед за Гегелем, назовем освободительное движение XVIII столетия величественным восходом солнца, то мы должны будем сказать, что, в противоположность мистикам, А. Н. Радищев принадлежал к числу немногочисленных русских людей, оценивших это достопамятное явление и искренно поклонившихся ему. Скажу больше: он был самым выдающимся между ними»⁴².

⁴¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 260—261.

⁴² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 333.

При анализе работ Плеханова по истории русской общественной мысли нельзя не заметить, что эти работы подразделяются на два этапа. В 80—90-х годах XIX в. в освещении мировоззрения русских революционеров-демократов он приближался к вполне правильному научному объяснению их действительного места в истории общественных движений и общественной мысли в России. В своих работах о Белинском, Герцене и Чернышевском, написанных в первый период его деятельности, Плеханов дал глубокое исследование и критику их взглядов, показал их сильные и слабые стороны.

Рельефнее всего выражены два этапа в деятельности Плеханова как историка общественной и философской мысли в России в работах о Чернышевском. В этих работах (относящихся к 80—90-м годам) Плеханов подчеркивал демократизм, боевой революционный характер его сочинений, излагал его критику либерализма. Так, в первой статье о Чернышевском, опубликованной в «Социал-демократе» в 1890 г., он писал: «Изучая западноевропейские общественные отношения, Чернышевский, можно сказать, невольно приходил к тому выводу, который лег впоследствии в основу программы Интернационала и который гласит, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»⁴³. Здесь Плеханов дал крайне «левое» толкование социально-политических воззрений Чернышевского. В той же статье он справедливо указал на то, что Чернышевский, питая надежду на крестьянские восстания, считал возможным очень быстрый рост крайней партии, всецело стоявшей на стороне крестьянства, и что революционное движение в тогдашней России ему представлялось вполне возможным.

Большое место в своих первых статьях Плеханов уделял изложению критики либерализма Чернышевским. Чернышевский всю свою жизнь не упускал случая поиздеваться над либералами, над их пустотой, кажущимся радикализмом, вечным стремлением все реформировать, не выходя при этом из пределов гостиной. Но главное, за что ненавидел Чернышевский либералов, — это их постоянное стремление принижать активность масс. Плеханов

⁴³ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 62.

обстоятельно изложил критику либерализма Чернышевским, не скупясь при этом на острые и резкие выражения. «Вообще, — писал он, — Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся крайняя партия не имеют с ними ничего общего. Трусость, недалковидность, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость — вот отличительные качества, какие он видел в тогдашних либералах»⁴⁴.

Научно-материалистически подходил Плеханов к рассмотрению вопроса об условиях формирования мировоззрения Белинского, Герцена, Чернышевского. Он показал, как гнет крепостного права и самодержавия стесняли развитие производительных сил страны, сковывали силы народа. Талантливый публицист Плеханов умел во всей неприглядности показать мрачные стороны действительности, с которой повседневно сталкивались русские революционные мыслители XIX в. Но ни тяжелый гнет царского режима, ни мрачные картины насилия, жестокостей, подавления человеческого достоинства не сломили боевого духа революционных мыслителей. Тяжелая историческая действительность вызвала с их стороны сильный протест и отпор. Следовательно, сами обстоятельства, указывал Плеханов, порождали революционный характер мировоззрения передовых мыслителей России XIX в.

Правда, на наш взгляд, Плеханов допускал неточность в оценке русской исторической действительности. Справедливо указывая на то, что правительственная система Николая I давила все живое, все мыслящее, Плеханов не показывал той напряженной классовой борьбы, которая шла в России в 40—60-х годах, борьбы между основными классами русского общества того времени (дворянством и крестьянством), между двумя противоположными, хотя и неформленными партиями. Идеологию дворянства наиболее ярко выражали такие люди, как граф Уваров, профессор Погодин и Шевырев, несколько позже редактор «Московских ведомостей» Катков, публицисты Кавелин и Чичерин и многие другие, составлявшие партию застоя. Они всемерно стремились соорудить возможно более «умственных плотин» против проникновения в русское

⁴⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 84.

общество революционных, прогрессивных идей. Против этой реакционной партии, выразившей идеологию царизма и крепостничества, вели беспощадную борьбу революционные деятели, составлявшие противоположную партию, партию Белинского—Чернышевского, отстаивавшую интересы крепостного крестьянства. Плеханов упускал из виду борьбу этих партий в России середины XIX в. даже в самых лучших своих статьях. Отсюда проистекают многие его ошибки, как историка русской общественной мысли. Эти ошибки коренятся в том, что Плеханов не считал крестьянство революционным классом, способным на радикальные действия. Еще со времени «хождения в народ» разочаровавшись в революционных способностях крестьянства, он навсегда остался верным принципу отрицания революционных возможностей крестьянства, и поэтому революционные разночинцы остались для него умными, одаренными мыслителями-одиночками. Он часто упускал из виду тот факт, что они своей деятельностью выражали настроения, чаяния крестьянства, рвущегося к свободе.

Плеханов неправильно рассматривал развитие русской философской мысли как преимущественно процесс «филиации идей». И это тем более досадно, что в общефилософском плане он выступал с критикой той самой точки зрения, которая в рассмотрении закономерности развития философии исходит из филиации идей. Так, в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» Плеханов подверг резкой критике теории «взаимодействия» и «логической филиации идей», как совершенно ненаучные, ничего не объясняющие, не дающие ответа на вопрос о том, чем обуславливается историческое развитие философии. Еще Гегель, говорил он, понимал, что философия является естественным и необходимым продуктом своего времени. «Только при данном государственном устройстве, — цитирует Плеханов Гегеля, — может существовать данная философия и данное искусство»⁴⁵. Однако в применении к анализу развития философских идей в России Плеханов упускал эти верные положения. Больше того, он ошибочно считал русских революционных демократов простыми последователями западноевропейских мыслителей. Неправоммерно, например, он изображал Чернышевского слепым

⁴⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 32.

последователем Фейербаха, простым популяризатором его взглядов. В книге «Н. Г. Чернышевский» Плеханов писал: «Изо всех своих литературных предшественников Чернышевский с наибольшим уважением относился к В. Г. Белинскому и его кружку. Можно было бы думать поэтому, что он воспитался именно на сочинениях Белинского и его кружка, что он из этого источника почерпнул свое понимание идей правды, науки и искусства. Это, однако, не совсем так... Спрашивается теперь, каков же именно был этот первоначальный источник?... На Фейербаха указывает самое название единственной философской статьи, написанной Чернышевским: об антропологической точке зрения в философии заговорил впервые именно Фейербах... Для него Фейербах не ниже Гегеля, а этим сказано очень много, потому что Чернышевский считал Гегеля одним из гениальнейших мыслителей. Итак, философская точка зрения нашего автора найдена. Как последователь Фейербаха, Чернышевский был материалистом»⁴⁶.

Далее Плеханов говорит о Чернышевском как распространителе чужих идей на русской почве, т. е. идей Фейербаха, дальше которых Чернышевский, будто бы, не пошел, не смог заметить пробелы и пополнить недостатки во взглядах своего учителя.

В своей монографии о Чернышевском (1910) Плеханов наряду с философскими излагал и политические взгляды мыслителя. Здесь он допускал наибольшую ошибку в оценке взглядов великого революционера. Вопреки очевидной истине он утверждал, что Чернышевский как социалист-утопист отвергал классовую борьбу, не верил в революционные силы народа, крестьян считал варварами и в деле общественного преобразования все надежды возлагал на царское правительство. «Замечательно, что у Чернышевского, — писал Плеханов, — правительство, начинающее коренное «изменение экономического быта в пользу работников и в невыгоду капиталистов», старается не запугать «общество», т. е. этих капиталистов, не произвести на них «тяжелого впечатления»⁴⁷.

Это утверждение Плеханова никак не вытекает из анализа трудов Чернышевского. Оно противоречит утвержде-

⁴⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 27, 28, 29.

⁴⁷ Там же, стр. 238.

нию самого Плеханова, называвшего в 90-х годах Чернышевского революционером по принципу. В данном же случае Плеханов исходил из принятой им концепции: учителями Чернышевского были западноевропейские социалисты-утописты, которые отвергали классовую борьбу; Чернышевский жил и действовал в России, стране, отставшей от передовых стран Запада в своем экономическом и политическом развитии; поэтому русские мыслители не могли выйти за пределы идей своих западноевропейских учителей и, следовательно, отвергали классовую борьбу.

Эти ошибочные положения Плеханова переросли в меньшевистский период его деятельности в целую антинаучную концепцию, что особенно сказалось в его книге «Н. Г. Чернышевский», вышедшей в 1910 г. В этой книге Плеханов на первый план выдвигал слабые стороны мировоззрения Чернышевского, подчеркивал его утопизм, исторический идеализм, абстрактность суждений, склонность к мирному разрешению социальных проблем. Что же касается критики Чернышевским либерализма, то этой теме отведено всего две страницы, да и то речь идет уже не о русских либералах, а о прусских и австрийских. Сравнивая эту монографию Плеханова с его статьями о Чернышевском, написанными в 90-х годах, ясно можно видеть, какой крутой поворот к либерализму сделал Плеханов за это двадцатилетие.

В меньшевистский период деятельности в соответствии со своими новыми установками Плеханов по-другому изложил взгляды и другого великого русского революционного демократа — В. Г. Белинского. Плеханов изобразил дело так, будто Белинский в своем идейном развитии переходил от одной теоретической системы к другой: шеллингианство, фихтеанство, гегельянство, фейербахианство — вот, по мнению Плеханова, важнейшие этапы идейного развития Белинского. Плеханов так формулировал эти основные этапы философского развития Белинского: «Три первые акта умственной драмы Белинского можно озаглавить так: 1) абсолютный идеал и фихтеанство; 2) примирение с «действительностью» под влиянием «абсолютных» выводов гегелевой философии; 3) восстание против «действительности» и переход частью на отвлеченную точку зрения «личности», частью на конкретную точку зрения гегелевой *диалектики*.

Четвертый акт этой драмы начался полным разрывом с идеализмом и переходом на материалистическую точку зрения Фейербаха. Но рука смерти опустила занавес после первых же сцен этого акта»⁴⁸. Здесь Плеханов становится на опровергнутую им в 1891 г. точку зрения «взаимодействия» и «логической филиации идей». Вместо конкретного анализа идеологической борьбы 30—40-х годов, как условия, определившего развитие философии в России, Плеханов обратился исключительно к анализу «влияний», «взаимодействий», к филиации идей. Преимущественно здесь, в идеях, идущих с Запада, видел он теоретические основы мировоззрения русских мыслителей XIX в.

По такому же принципу оценивал Плеханов общественно-политические взгляды Белинского. «Не открыв в народе никаких прогрессивных элементов,— говорит он,— и не питая ни малейшей надежды на то, что протест против нашей печальной действительности выйдет из народной среды, Белинский поневоле повернул свои взоры к царскому трону»⁴⁹.

Плеханов представил дело таким образом, что Белинский, не найдя в народе залога прогрессивного движения, стал ожидать отмены крепостного права и освобождения крестьян сверху, от царя. По его словам, Белинский в конце своей жизни даже стал противником прогрессивных деятелей, ибо «он опасался, как бы наши прогрессисты не запугали правительство резкими проявлениями своей враждебности к нему. Такие люди стали казаться Белинскому вредными»⁵⁰.

Белинский умер в 1848 г., а в 1847 г. он написал свое знаменитое «Письмо к Гоголю»; у постели умирающего «гениального социолога», как называл Белинского сам Плеханов, сидели царские жандармы, жаждавшие посадить своего злейшего врага в Петропавловскую крепость и, конечно, совсем не за то, что Белинский повернул свои взоры к царскому трону.

Плеханов отзывался о Белинском как о гениальном социологе, но при более внимательном исследовании статей Плеханова меньшевистского периода оказывается, что

⁴⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 164.

⁴⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 345.

⁵⁰ Там же, стр. 346.

гениальность Белинского, по Плеханову, состояла не в том, что он сумел глубже других вскрыть противоречия экономического и политического развития страны, вскрыть противоречия буржуазного общества, дать критику буржуазных порядков, буржуазной цивилизации, как мешанской, узкоограниченной, а только в том, что он усвоил философию Гегеля.

Белинский был сильной философской организацией, говорит Плеханов. Но эта сила, оказывается, выразилась не в том, что в 40-х годах прошлого века Белинский сумел встать в ряд самых крупных мыслителей-материалистов своего времени, указать диалектику в самой жизни, высказать мысль о неизбежности гибели капитализма, ярче других выразить чаяния своего народа, предсказать великое будущее своей родины. Величие Белинского состояло, по мнению Плеханова, только в том, что он глубже других понял философию Гегеля. Отсюда вся его гениальность, этим она и исчерпывается. Подход Белинского в некоторых его работах к историческому материализму, его критику идеализма, глубокий анализ сущности капитализма Плеханов недооценивал.

Не менее серьезные ошибки допускал в меньшевистский период Плеханов и в освещении философских взглядов А. И. Герцена. Основное, что определяло философские взгляды революционного демократа Герцена, согласно концепции Плеханова в этот период, это влияние двух его учителей — Гегеля и Фейербаха, причем влияние Гегеля оказалось более сильным, ибо Фейербаха Герцен не усвоил, а потому идеализм в его взглядах доминировал. «Письма об изучении природы» неоспоримо доказывают, — заявлял Плеханов, — что их автор стоит на позициях гегелева идеализма». В статье «Философские взгляды А. И. Герцена» (1912) Плеханов писал: «Держась гегелева взгляда на отношение мышления к бытию, т. е. оставаясь идеалистом в основном вопросе всякой философии, Герцен не мог не высказываться подчас как «абсолютный» идеалист и в своей философии истории»⁵¹. Только в 60-х годах, по утверждению Плеханова, «Герцен уже не довольствовался идеалистическим ответом Гегеля и Шеллинга на вопрос об отношении мышления к бытию. Он тогда,

⁵¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 382.

наверное, уже хорошо знал и вполне разделял взгляд на этот вопрос материалиста Фейербаха»⁵².

Ошибочность плехановской концепции сказалась с еще большей силой в оценке политических взглядов Герцена. Он полагал, что теорию социализма Герцен целиком заимствовал у Сен-Симона и Фурье, подвергнув ее критике с позиций Гегеля. Когда Герцен увидел, что события 1848—1849 гг. вместо мирного решения социального вопроса ознаменовались кровавой борьбой между пролетариатом и буржуазией, тогда он, по словам Плеханова, разочаровался в Западной Европе и ему как идеалисту в истории ничего другого не оставалось, как стремиться к примирению с действительностью. Правда, он иногда размышлял о классовой борьбе, допускал ее, но это потому, что логика Гегеля требовала думать именно так. «Логика Гегеля, — писал Плеханов, — имевшая такое большое влияние на Герцена, не знает другого пути для примирения (в высшем единстве) противоречащих один другому элементов данного понятия, кроме их непримиримой взаимной борьбы... Поэтому Герцен, отвергая классовую борьбу вслед за французскими социалистами-утопистами, изменял диалектическому методу своего учителя»⁵³.

Плеханов указывал, что Герцен, как социалист-утопист и непоследовательный гегельянец, отверг насилие как средство исправления общественных нравов, видел лишь отрицательные стороны классовой борьбы, «боялся классовой борьбы»⁵⁴.

Подобные утверждения Плеханова не соответствуют действительности и находятся, выражаясь словами самого Плеханова, в блистательном противоречии с логикой и с фактами. В письме к сыну Герцен писал: «Религия революции, великого общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Она без рая, без вознаграждений, кроме собственного сознания, кроме совести... Иди в свое время проповедывать ее к нам, *домой*: там любили когда-то мой язык и, может, вспомнят меня.

Я благословляю тебя на этот путь во имя человеческого разума, личной свободы и братской любви!..

⁵² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 404.

⁵³ Там же, стр. 392.

⁵⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, 1938, стр. 62.

Лучше с революцией погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции»⁵⁵.

В другом месте Герцен прямо говорит, что без вооруженного восстания изменить общественные отношения невозможно. «Сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья»⁵⁶. «...Восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революции...»⁵⁷

Ныне нам известны документы, которые говорят о том, что в конце 50-х годов Герцен с Огаревым разрабатывали план всероссийского военно-крестьянского восстания. К концу своей жизни Герцен повернул свои взоры к Интернационалу, руководимому Марксом и Энгельсом. Революционные идеи Герцена, его поворот к Интернационалу Плеханов недооценил.

* * *

Основные методологические ошибки Плеханова, как историка русской философии, выявившиеся после его перехода на меньшевистские позиции, можно свести к следующим пунктам:

1) Основу развития философии он видел во внутренних, присущих только ей закономерностях, считал, что в каждое данное время развитие философии есть процесс совершенствования существующих философских систем.

2) Только мыслители передовых в социально-экономическом отношении стран, утверждал Плеханов, могут обогащать философскую мысль, делать прибавку к ней, совершенствовать предшествующую им философию. Что же касается стран отсталых, то их мыслители только воспринимали идеи, выработанные мыслителями передовых стран, и притом обычно те идеи, которые уже являлись пройденным этапом общественной мысли передовых стран. Поэтому он говорил, что ни один русский мыслитель не сказал еще и не мог сказать нового слова в науке.

⁵⁵ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. V, Пг., 1919, стр. 382, 383.

⁵⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. X, стр. 117.

⁵⁷ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. IX, 1919, стр. 1.

3) Плеханов недооценивал общественную, классовую обусловленность философских идей. Что же касается потребностей времени, особенностей исторического развития России, обострения классовой борьбы в стране, то все это он также недооценивал или даже обходил молчанием.

Ошибки во взглядах Плеханова на историю русской революционно-демократической мысли теснейшим образом связаны с его общей концепцией о закономерности исторического развития России.

Наиболее обстоятельно и четко Плеханов изложил свои взгляды на основные особенности исторического развития России во введении к «Истории русской общественной мысли», написанном в 1911 г. Первое, что интересует его, это — вопрос о самобытности России. Похожа ли история России на историю Западной Европы? — спрашивает он и здесь же отвечает: «... О полном своеобразии русского исторического процесса не может быть и речи, такого своеобразия вообще не знает социология; но, не будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий»⁵⁸. Плеханов подчеркивал, что именно это своеобразие дает объяснение особенностей умственного развития русского народа, проявляется в так называемом народном духе.

Разделив мир на Запад и Восток, Плеханов устанавливал одну закономерность для Запада, другую — для Востока (Индии, Китая, Древнего Египта).

В чем же особенность исторического развития восточных стран и народов? Особенность эта состоит в том, говорил он, что не общественные отношения создали там государство, а, наоборот, государство создавало общество, оно собирало нацию, определяло общественные отношения. История России, по его мнению, была историей крепостного состояния всех сословий русского общества. Русский царь — хозяин земли русской, помещики, дворяне суть его холопы. А русский крестьянин подобен во-

⁵⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 12.

сточному рабу или феллаху. «Мы знаем: положение русского крестьянина мало-по-малу сделалось очень похожим на положение крестьянина любой из великих восточных деспотий. С этой стороны Россия в течение целых столетий все более и более удалялась от европейского Запада и сближалась с Востоком. Но так как все общественно-политическое здание держалось в земельной России на широкой спине крестьянства, то и положение служилого класса не могло не приобрести в ней очень заметного восточного оттенка. Уже в половине XVI столетия служилое сословие оказывается совершенно закрепощенным государству, и это его закрепощение, — может быть, еще больше, нежели закрепощение крестьянства, — уподобляет общественно-политический строй Московской Руси строю великих восточных деспотий»⁵⁹.

Плеханов, как видно из приведенных высказываний, в этом вопросе сползал к ошибочной точке зрения, признающей государство надклассовой организацией. При таком взгляде отношение между двумя основными классами феодального общества представляется в духе сотрудничества: и помещики и крестьяне одинаково крепостные и борьба между ними лишена смысла. Поэтому Плеханов избегал называть помещиков и крестьян «классами».

Подобная точка зрения на закономерности исторического развития России не была оригинальной. Еще задолго до Плеханова автор известных «Философических писем» П. Я. Чаадаев высказывал мысль, что причина отсталости дореформенной России состоит в том, что она с древнейших времен, т. е. с крещения Руси, пошла за Востоком, за Византией, откуда восприняла и религию. Что же касается теории «государственных начал» в историческом развитии России, то она проповедовалась еще Чичериным и Кавелиным и воспроизведена в 1895 г. одним из лидеров меньшевизма — П. Б. Аксельродом, который в статье «Главнейшие запросы русской жизни», вопреки реальной исторической действительности, утверждал, что в дореформенной России «активной исторической силой являлось только государство, общество же играло роль более или менее пассивного материала, воска,

из которого государственная власть лепила,сообразно социально-политическим нуждам, те или иные формы. Если Россия подвигалась более или менее вперед, то она обязана этим... развитию и усложнению непосредственно государственных интересов и потребностей»⁶⁰. В том же либерально-буржуазном духе рассматривал вопрос о государстве как творце будущего капиталистического общества и «столп» контрреволюционного либерализма П. Струве.

В своих рассуждениях о причинах отсталости экономической и политической жизни России по сравнению с передовыми странами Западной Европы в XIX в. меньшевики делали упор на невежество русского крестьянина, во силу чего он будто бы был опорой абсолютизма. Убежденность в том, что все беды России коренятся в бескультурье крестьянина, а затем и рабочего, тоже вышедшего из крестьян, пронизывало все работы меньшевиков и в значительной мере оправдывало их стратегию и тактику в революции, «Азия»-де не может идти впереди Европы, не может иметь передовых по сравнению с Европой идей. Плеханов так и писал: «Поскольку Россия оставалась «Азией» в экономическом отношении, постольку одни утописты могли задумываться об осуществлении в ней передовых идеалов Запада»⁶¹. «Азией» Россия остается и поныне, говорил он в 1911 г., ибо процесс европеизации далеко еще не закончен. Поэтому высказывания Ленина и его соратников о том, что сама история сделала русский пролетариат зачинателем и руководителем социалистической революции, он называл сушей утопией, а стратегию и тактику, строящиеся на этом убеждении, — «бланкизмом», «безумием». Тактика же Плеханова и других меньшевиков, рассчитанная на то, что русский рабочий должен помогать буржуазии, подталкивать ее, плестись в хвосте движения, обусловлена-де всем ходом исторического развития России.

Взгляд Плеханова на историю общественных движений в России также содержит ряд ошибочных положений. Плеханов считал все восстания крестьян, начиная с восстания И. Болотникова и С. Разина, бесплодными или

⁶⁰ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». М., 1925, стр. 251.

⁶¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 22.

⁵⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 77, 78.

даже вредными, ибо они, по его мнению, задерживали экономическое развитие страны и укрепляли абсолютизм.

Революцию 1905 г. Плеханов рассматривал как результат экономической и культурной отсталости России. Крестьянство, поднявшееся на борьбу против помещиков и царского правительства, характеризовалось им не как революционная сила, а, наоборот, как сила реакционная. Помещики и буржуазия, говорил он, выступали как сила революционная по своему существу даже тогда, когда они избегали всяких насильственных действий. Рассматривая причины возникновения революции 1905 г. и ее классовое содержание, Плеханов писал в «Истории русской общественной мысли»: «Чем более росла крестьянская нужда в земле, тем нетерпеливее становилось крестьянское ожидание «черного передела», или «слушного часа». Не дождавшись от высшей власти призыва к переделу, они сами взялись за него. Так начались аграрные волнения 1902—1905 г.г. Дело тут было не в революционной пропаганде, а в той психологии крестьянина, которая в продолжение целых веков создавалась аграрной политикой Российского государства. Когда крестьянин требовал отобрания земли у помещиков, и даже когда он сам принимался отбирать ее, он вел себя не как революционер, а, напротив, как самый убежденный охранитель: он охранял ту аграрную основу, на которой так долго держался весь общественно-политический строй России... В этой психологии русского крестьянства, сложившейся на основе нашего старого общественно-политического быта, так сильно напоминающего собою быт восточных деспотий, заключается разгадка... того, что революционный взрыв 1905—1906 гг. оказался гораздо менее значительным, чем это показалось сначала и нашим революционерам, и нашим охранителям. Указанный взрыв явился результатом сочетания двух сил, совершенно различных по своей природе. Одна из них создана была начавшимся еще в конце XV в. процессом европеизации России, другую — породил наш старый восточный быт. Одна была революционна по своему существу даже тогда, когда она избегала всяких насильственных действий; другая сохраняла свой консервативный характер даже тогда, когда проявляла себя самыми резкими насилиями... Взрыв 1905—1906 гг. был следствием европеизации России. А его «неудача» была

причинена тем, что процесс европеизации переработал пока еще далеко не всю Россию»⁶².

Правильно указывая на причины аграрных волнений, на аграрный характер русской революции 1905 г., Плеханов, однако, допускал ошибку, утверждая, что борьба крестьян за землю носила реакционный характер, что поднявшиеся на борьбу крестьяне вели себя не как революционеры, а как охранители существующего строя. Он не понял того, что аграрная революция в России, в условиях мощного подъема рабочего движения, при руководящей роли рабочего класса в революции была в высшей степени прогрессивной. Эта революция была первым опытом организованного массового всероссийского восстания рабочих и крестьян, в ходе которого пролетариат получил не только опыт массового революционного действия, опыт вооруженной борьбы, но, и это главное, получил величайшие резервы — многомиллионные массы крестьянства. Под руководством пролетариата «аграрные волнения» превратились в могучую народную революцию, послужившую прологом к революции 1917 г.

Следует отметить, что в своих суждениях о революции 1905 г. Плеханов был не одинок. Несколько ранее подобный взгляд на причины революции был высказан в меньшевистском пятитомнике «Общественные движения России в начале XX века», выпущенном под редакцией Мартова, Маслова, Потресова.

После революции 1905 г. меньшевики стали по существу проповедниками классового мира, сотрудничества классов. «Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, — писал Плеханов, — определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их *взаимной борьбой* там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным *сотрудничеством* там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений»⁶³.

Согласиться с этим мнением Г. В. Плеханова нельзя. Марксизм-ленинизм учит, что войны в условиях капита-

⁶² Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 112, 114.

⁶³ Там же, стр. 13.

лизма наиболее наглядно показывают всю пропасть между антагонистическими классами, так как они до предела увеличивают гнет трудящихся, доводят классовую борьбу до ее наивысшего проявления, — до гражданской войны. История дает много примеров, подтверждающих это положение. Так, Парижская Коммуна возникла во время войны; одной из причин, ускоривших начало революции 1905 г. в России, была русско-японская война; первая мировая война послужила великим ускорителем многих революционных битв, она явилась одной из причин, породивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России; вторая мировая война также определила многие общественные революционные преобразования.

Порвав с теорией марксизма, Плеханов вступил в противоречие с действительной жизнью, с фактами, с историей.

В отличие от Плеханова Ленин в трактовке закономерности исторического развития России исходил из основных положений марксизма.

Прежде всего Ленин подверг уничтожающей критике всякого рода буржуазные концепции истории России, имевшие хождение среди историков, в частности, господствовавшую в XIX в. концепцию «государственных начал», развитую Кавелиным и Чичериным, концепцию внеклассового происхождения русского самодержавия, теорию «созидающей экономической роли русского народного государства», поддерживавшуюся такими видными историками, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

В своей знаменитой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин назвал теорию внеклассового происхождения государства доктриной прописей, детской побасенкой, внушенной гимназистам. «История общественности — гласит эта доктрина прописей — состоит в том, — писал Ленин, — что сначала была семья, эта ячейка всякого общества⁶⁴, затем —

⁶⁴ В. И. Ленин в этом месте дает примечание: «Это — чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделали господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы».

дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»⁶⁵.

Ленин указал, что уже в средние века, в эпоху Московского царства, не существовало родовых связей и государство основывалось на союзах местных, а не родовых. Только с XVII в. началось фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое, что было вызвано отнюдь не родовыми связями, а усилением товарного обмена между областями. А поскольку руководящая роль в этом процессе принадлежала купцам-капиталистам, то создание этих связей было не чем иным, как созданием буржуазных связей, подрывающих в корне старые феодально-крепостнические отношения. Рост товарно-денежных отношений усиливал предпринимательские тенденции помещиков, разрушал замкнутость, автономность отдельных областей.

Исследуя историю зарождения капиталистической промышленности, Ленин в работе «Развитие капитализма в России» показал, как зарождающийся, а затем развивающийся капитализм готовит себе гибель, разрушает тот самый строй, ту общественно-экономическую формацию, в рамках которой он зарождается. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, — говорит Ленин, — было уже предвестником распада старого режима»⁶⁶. Развитие торговли, рост населения и его постоянные передвижения разорвали родовые отношения, семейные связи и разрушили территориальную общину. Особенно быстро этот процесс развивался в переформенной России, когда старый уклад хозяйства рушился, уступая место буржуазным отношениям с их куплей-продажей рабочей силы.

Рассматривая сравнительно слабое развитие капитализма в России того периода, Ленин указывал как на одну из главных причин — на незавершенность реформы 1861 г., проведенной сверху. «Поскольку на помещичьих землях, — замечал Ленин, — хозяйничает и теперь своими стародедовскими орудиями, способами и т. д. кабальный

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

⁶⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

крестьянин, *постольку* помещицье землевладение есть главная причина отсталости и застоя»⁶⁷.

Вместе с тем В. И. Ленин отметил сравнительно быстрые темпы развития капитализма в России после отмены крепостного права. В работе ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» (1911) Ленин писал: «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»⁶⁸. Вместе с ростом промышленности рос рабочий класс, его культура, организованность.

Российское рабочее движение, передовая русская культура оказывали благотворное влияние на все народы, населявшие Россию. По отношению к странам Востока, Россия уже в первой половине XIX в. была передовым европейским государством. В письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Энгельс писал: «... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»⁶⁹

Расширение влияния России на Востоке не ослабило, однако, внутренних и внешних противоречий России, а, наоборот, усилило их. Русский пролетариат получил новые, дополнительные резервы в лице угнетенных царизмом народов, населявших окраины России.

Следовательно, не восточный быт, не недостаточная европеизация России определили собой отсталость экономического развития России в XIX в., а реальные классовые отношения, породившие куцую реформу, отвечавшую интересам помещиков и капиталистов.

Исходя из уровня развития производительных сил, степени интенсивности классовой борьбы в стране и рабочего движения во всем мире, В. И. Ленин уже в конце прошлого века сделал вывод, что буржуазно-демократический переворот в России будет совершен в условиях более прогрессивных, чем это имело место в странах Запад-

ной Европы. Главной особенностью русской буржуазно-демократической революции будет то, что гегемоном революции, ее вождем и движущей силой станет не буржуазия, а пролетариат, союзником же его явится крестьянство. Что же касается русской буржуазии, то Ленин законно считал, что она не является революционным классом, что она способна только на сделку с царизмом.

Исследуя исторические закономерности эпохи империализма, Ленин пришел к выводу, что противоречия империализма в России предельно обострены, что именно Россия является наиболее слабым звеном в цепи империализма и что, следовательно, сама история определила русскому рабочему классу великую роль зачинателя социалистической революции. Русский рабочий класс, являясь авангардом и главной движущей силой русской революции, становился в начале XX в. одновременно авангардом мирового коммунистического движения.

История полностью подтвердила правильность положений ленинизма, выражающего объективные закономерности экономического развития общества. Ленинизм формулирует глубочайшие стремления самого революционного класса современного общества и выдвигает на первый план коренные потребности самого хода общественного развития, объясняет непрерывное поступательное движение общества.

Не поняв новой эпохи всемирной истории, как эпохи империализма, эпохи войн и пролетарских революций, Г. В. Плеханов проявил слабость не только в политике, в стратегии и тактике революционной борьбы, но и в теории, в идеологической борьбе, в науке, в том числе и в понимании истории русской общественной мысли.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 122.

⁶⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95—96.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.